

АЛЛЕГОРИЯ

Примеры

Сравнение аллегория

Или то письмо напрямую Михаилу отправим. А второе от Макарова. Помнишь... – он отвёл взгляд от долины, что меж двух холмов и глянул за окно. Да только зря он туда посмотрел. На площади оттачивали мастерство колющего удара гвардейцы Измайловского полка. Унтер-офицерское: «Коли!» прозвучало приговором любому, ещё хоть в чём сомневающемуся. Бирон резко, силы не соизмеряя, захлопнул створку. Рама хлопнула расстрельным выстрелом. Стекло не выдержало и рассыпалось, порезав ему руку. – Лекаря! – вскричала в испуге жена 4-2-87

– Твоё, Мишаня, – грустно за ним повторил Иван Дорофеевич. И глаза уж не возбуждением блстели, а как рябь осенью на реке перед завтрашним ледком проблёскивали. Несмело, будто последний раз берегам, птицам, небу радуясь 4-1-324

Миша лежал, не шевелясь, будто разгадка шороха боится. Словно сидел, как прежде, дома, на скамье перед печкой и за пламенем наблюдал. Зима за окошечком. Студёно. А тут тепло. Мама рядом устало присаживалась. Рукой его обнимала. 4-1-20

«Дед Лука, когда морем ещё шли, ругался на матку, что „вертлява, как Дуська с Денисовки. Как только в небе сполохи, стрелка – за пляски. По кругу ходит без ме13 Пáзорье, пáзори – старорусское название северного сияния. М.В. Ломоносов образно называл полярное сияние «пожаром небес». 14 Маточка, матка – судовой магнитный компас у поморов. 15 Нактоуз – ящик, в котором располагался судовой компас. Карданов подвес – шарнирная опора, позволяющая закреплённому в ней компасу вращаться в нескольких плоскостях. 17 ста16. Словно та девка сарафаном кружит под балалайки треньканье”. Отчего то? Надо познать!» – он перегнулся, стараясь деда и дыханьем не задеть, дотянулся до головы его, возле которой лежала кожанка с компасом. Медленно взяв её, столь же тихо отступил к двери. Помнил дедовы слова: «Вертлява. А без её постоянства пути нам к дому нет. В море она нам всё. Матушка!» 4-1-16

кинул нас. Осиротил Россию. Умер Пётр Великий... 474 Глава 57 ОБЕРЕГАЙ СВОЮ РОССИЮ! 28 января 1725 г., Санкт-Петербург Пётр безжалостно сломал, раскатал по брёвнышку тот дом, миропорядок, храм, в котором крестили его деда, отпевали прадеда, исповедовали бабку, венчали мать с отцом, где дядя его принял причастие, где его самого крестили, где отпевали сперва отца его, а через пять лет и мать, где корону держал он при венчании сверстников своих и сам был венчан, где сына его, дочерей в купели омыли и где его отпеть должны были и детей его в их время. Раскатал, чтоб перенести на новое, видное всему миру место. Да только в спешке те брёвна, от окладного до верхнего самого, до охлупня, разметить не успели. Бегом ведь всё... И не собрать теперь уж заново. Так и кинули в сторонке, под горкой: молись на развалины, кому охота... А на новом месте Пётр заложил каменный фундамент. На иной, западный манер. И ещё успел он сложить на нём новый очаг. Чтоб танцевали бы от него. А не от старой, закопченной печи. Он, как начал печечку с основания из кубиков Митрича складывать, так и до конца жизни, сложив уж до оголовка трубы, доводил её до изящного совершенства. Изразцами любовно обкладывал. Отдушники медные до блеска драил. Делал всё добротнo, чтоб у того огня многие века грелась бы Россия. Чтоб империя вокруг печи стены нового дома, храма возвела, обзавелась утварью новой, хозяйством, соседями мирными.. 2-474

Заело. Остановился механизм, чьё кручение казалось вечным. Тряпица попала меж колёсиками, и встало всё. Дёрнулось последний раз и замерло. Хотел сказать «мёртво встало». Да вовремя одумался, не каркнул 2-463

Пётр второй день лежал у себя. Внутри всё раскручивался и раскручивался станок. Кто-то злой менял в нём резцы. Зажимал их всё сильнее. Затупившиеся менял на всё более острые.

Блюментроста вчера прогнал. Выругал: «Из-за тебя не могу встать. Неуч». А сам понимал: не в микстурах дело. Бессильны таблетки против токарного. Тот всё перемелет. 2=456

Мария стояла за его спиной чуть сбоку и тоже смотрела на пламя: «Два полена, когда они рядом, горят лучше. Светят ярче. А если одно оно, так затухнет без поддержки, без пламени соседнего. Без его искры. А ведь простит он Катю ради главной 2-455

Болезнь эта почти не отпускает теперь. И так сверлит порой! Кричишь, будто токарный станок внутри, внизу где-то, стружку с тебя снимает. Найти бы того, кто в нём ручку крутит... Попридушить и самого в станке болванчиком зажать. Познай! 2-453

– Вишь, тут всё как у нас. Государь наш, Геркулес. Муж страдающий³⁹⁸. Макаров не согласился: ³⁹⁷ Готторпский (Большой Академический) глобус – подарок Петру I от герцога Голштинского Карла Фридриха. Планетарий диаметром 3,1 метра и весом более 3,5 тонн был изготовлен в герцогстве Шлезвиг-Гольштейн в 1651–1664 гг. по проекту Адама Олеария. Это. В 1717 г. глобус привезён в Санкт-Петербург, в 1726 г. установлен на 3 этаже здания Кунсткамеры. В глобусе были закреплены стол и скамья на 12 человек. На внутренней поверхности изображена карта звёздного неба, с внешней стороны – географическая карта. В 1747 г. после сильного пожара от глобуса остался лишь металлический каркас. Сохранилась дверца, украшенная геральдическим щитом Гольштейн-Готторпского герцогства. В 1748–1752 гг. глобус был восстановлен и до 1901 г. размещался в специальном «Глобусном» домике, затем в Царском селе. В 1942 г. был вывезен немцами в Германию. В 1948 г. возвращён в Ленинград, размещён в заново отстроенной башне Кунсткамеры. ³⁹⁸ Геркулес – одно из самых узнаваемых созвездий в Северном полушарии. Самая заметная часть – торс титана. Первоначальное название – Коленопреклонённый. Древний поэт Арат описывал созвездие как страдающего по неизвестным причинам мужа. В V в. до н. э. созвездие переименовали в Геракла. Позже оно получило название Геркулес. 446 – Нет, туда смотри. Скорее, Персей. С головой отрубленной. Монсовой. И царица рядом – Кассиопея³⁹⁹. Владыка Феофан, ответно указуя на созвездия Волопаса, Большой и Малой Медведиц⁴⁰⁰, подхватил: – А вот тебе и Миша! Только наш-то медвежонок уже один... Макаров, читавший много и библиотеку Государя не меньше того знавший, к месту и вспомнил: – Слыхал ли, владыка, про Атлас Шиллера?⁴⁰¹ С христианским звёздным небом? Так там Большая Медведица Лодкой Петра названа,

Владыка Феофан кивнул: – Точно! Атлас тот держал в руках. Все созвездия там именами святых названы. По Шиллеру, Михаил к кораблю Петра привязан, с ним иль за ним ему и плыть... 2-444

Владыка двойные створки соединил, в замочной скважине ключик до упора провернул: «Шахматы эти государственные – ни одной лёгкой партии! Государь отлично играет. Хоть он на большой доске и игрок из новеньких, а как понял, что испанскую партию, дебют Руи Лопеса³⁵¹, ³⁵¹ Испанская партия – один из самых популярных дебютов. В зарубежной литературе её называют дебютом Руи Лопеса, испанского шахматиста и шахматного теоретика (Ruy Lopez de Segura, 1540–1580). Идея испанской партии заключается в постоянной угрозе взятия и/или связке чёрного коня с белым слоном, что может сделать чёрную пешку e5 уязвимой целью для белых. Дебют ³⁷⁸ Европа разыгрывает, так на фланге свою игру начал. И пока основные в центре дележом заняты

были, он позицию, в 1617 году за столблённую 352 переиграл и эвон сколько клеток России вернул. Теперь он сам на этом поле большой мастер. А Россия из пешки окраинной – в проходную, из проходной – в ферзи европейские с боем пробилась»

2-376

Господи, убереги от шага неверного! А какой тут шаг, если на табуретке шаткой, что на эшафоте с петлёй, стою? С одной стороны Государь родимый, с ногой занесённой, с другой – Государыня. Если он промажет – она уж ни за что не промахнётся» 2-368

Владыка Феофан тотчас хлопнул себя по лбу. С первого раза попал по дурной мысли. Та, пришибленная, лоб свой потирая, примолкла. Соседние, здоровые, сразу вытолкали её на самый верх чердака. Если хлопнут повторно, то уж сразу по ней. Добьют. Сами сели плотненько за круглый столик. Достали из карманчиков, из именных футляров гребешки, вытащили из сарайки прошлогодню ещё репу, хвостиком вверх устроили в центре и стали поочередно чесать. Он снаружи чесал, они изнутри. Стараются 2-255

Подошёл к краю обрыва. Носком сапога подтолкнул шишку. Она покатила по песку, призывая за собой сухие иголки и песчинки. Скатилась и замерла в сажени от воды. «Это удачный забег. Та шишка, видно, Александр Данилыч. У Меншикова всё в жизни гладко получается. Вишь, шустрый, сбежал и доволен. Ещё и не на бок, как все, лёг. Встал, будто героем». Он подпинал к краю следующую: «Эта пусть будет за Яворского или Дашкова, что на ростовской кафедре ныне». Шишка, цепляясь за всё, что попадалось по пути, замерла, уперевшись в выступивший корень дерева. «Вот и весь твой путь. А ведь мог бы и до конца пройти. Неча неминуемому сопротивляться. Глупая шишка. Пошла супротив основы. Корня». Подтолкнул к краю следующую. Еловую. Плотную. Длинную. Назвал её владыкою Димитрием. «Давно хотел постигнуть: как это тому удавалось и при царе, и над 349 царём. За государство и государства ради – Государя самого принародно увещевать? Поди кто иной, скажи царю в лицо при полном людей соборе: Любодеяние ...есть в людях, великих саном, ...им же подобало бы лучше всех воздержным быти, чистое житие честно соблюдать...330 Выбрал для еловой минуту, когда тучка на солнышко зашла, время-то тогда куда темнее нынешнего было – и подтолкнул. Та резво спрыгнула на склон, побежала, перекатываясь, меж других шишек лавируя, от столкновения отклоняясь, муравьишку пред собой пропустила, не задавила, ямку по краю обежала, в другую, поглубже, попала, да силёнок, в начале набранных, хватило – выехала и далее, до корня поперечного. И тут не на него наскочила, а под ним проскользнула, и по песку, его за собой увлекая, как на гребне снежной лавины – к берегу, песком тем все неровности засыпая, ровную после себя оставляя дорогу. Замерла, куда ближе к воде, чем шишка Данилыча. «Вот те и жизнь! А в чём секрет?»

«Ну а раз о себе вспомнил... – он подкатил к обрыву большую, временем раскрытую сосновую. Круглую почти. Решил: – Вот за себя сейчас спробую». Но что-то сапогом толкнуть остановило. Взял в руку. Примерился и, целясь в малое пространство меж еловой и водой, аккуратно запустил. Уж взлетела, понял: не то. Шишка ударила в «Данилыча», сбита и плюхнулась в воду. «Подмочена репутация. Не дай бог, так в жизни! Надо было не лениться. Самому спрыгнуть и поставить, куда хотел. Порадеть за родного». Владыка Феофан вздохнул, поднял со мха самую малую шишечку и в кармане, в уголке устроил: «Для памяти. Со своей судьбой изволь аккуратней!» 2-348 Вместе с хвоей выпрыгнула махонькая шишечка, и хрясь, под ногу: «Ломилась, крохотуля. Допрыгалась. Жалко. За свою считал».

Умер Шишечка. Бездыханен дитяtko. Что-то будет?! «Вот те... – ошарашенно глядя на махонькую, давленную его каблуком сосновую шишку, быстро пряча её за спину, только и мелькнуло у владыки Феофана. – Вот те раз!» 2=253 «Не взлететь под небеса, не вырасти нашей Шишечке, не скинуть на землю семени. Не вырасти от него малой сосенке. Не вытянуться стройным деревцем. Не возмужать могучей сосной. Оборвалось всё Петрово. А он-то как надеялся! Ка

Тропкой, вороша иголки, пошagal к дому. Там на широком столе у окна лежало незаконченное «Первое учение отрокам». «Утром так хорошо пошло, легло на лист, взлетело в мир творение, да кухарка, чухонка, чтоб её, петуху голову рубить место под окнами нашла. Тот, безголовый, летает. Эта, на голову больна, ловит, орёт. Шуму на весь дом. Вот ангела и спугнула. Он тоже, поди, с крыльями. И перо вмиг затупилось. Оно, гусиное, петушинуму, хоть какое, да родня. Глупая баба!» 2=349

ПЕРИФРАЗА

Здесь кину якорь. На родном Курострове. И не остров это вовсе – корабль, что подымается вверх по Двине. А уж из белой да безмолвной жизнь свою сделать от красок познания буйной – то в моей власти. Хотя и трудно – себя познать, собой управлять научиться. Своей судьбе кормщиком стать!» 4-1-401

Миша потёр ушибленный лоб: «Нет, надо как-то учиться по-другому мысли в порядок приводить. И почему они у меня тараканами-то записаны? Надо просто называть их с сегодняшнего дня мыслями. Переименовать. Оттого они возвышенной станут. Бегать, может, и не так шустро поначалу будут. Зато вдохновенней, романтичней, что ли, о самих себе возомнят. Ну и покажутся перед кем, так уж не усатыми. Дам хоть не напугают, – Миша улыбнулся этой своей задумке. – Мысли обрить. Царь-батюшка – бороды у подданных. А я с бритвой – к мыслям. Со своей головы и начал» 4-1-358

Снеги! Мир во власти белизны вашей. Припорошены купола храмов. Укутаны крыши изб в деревушках. Каждой иголке на ветвях елей досталось по снежинке. Искрятся они на метёлочках травинок, вмёрзших по берегам в лёд озера, на покато борту заснувшей до весны лодки. На каждой жердинке загороды, тонким пояском перехватившей самое узкое место далеко выдвинувшегося в Михайловское озеро полуострова. Кажется, что и до мыслей людских добралось ваше белоснежное покрывало. Укутало. Зашило белыми нитками до первой капли. 4-1-335

– Своих во все кресла, – повторил Миша за дядей. – То, значит, он потому мне креслице-то пожалел, что я не свой? – Ну, это уж четвёртое. Про то не на морозе. Кабы май был на дворе, так рассказал бы. Да ты и сам через два дня поймёшь... Кто-то всю жизнь на низенькой скамеечке или табуреточке колченогой. Кто на лавке широкой. А кто – в полукресле, на кресле, а то и на троне. Только усвой: иногда на трёхногой-то понадёжнее. На низенькой всю жизнь качаться можно, и не упадёшь. Ежели и спихнут, так не расшибёшься. Она к земле, к тому, на чём всё держится, ближе. А потому тот, кто на ней, всех устойчивее 4-1-324

Василий Дорофеевич оторвал от берёзового полешка завиток коры. Положил в печь. Сверху накрыл щепиной и уж после накидал дров. Огонь принялся за угощенье сперва робко, а распробовав, поглотил все поленья и скоро гудел, урчал, любясь своим весёлым отраженьем в осколке зеркала, довольный сухим деревом, тягой, любя единственный день в неделе – субботу! 4-1-327

«Вот он и начал по букве, по знаку правду открывать», – Иван Дорофеевич внимательно следил за племянником. И вдруг с радостного настроения, с того, что вот сейчас снимет племяш с него пудовый груз, его попутной телегой в другой край забросило. Да так и трянуло на коме давно засохшей глины: «Что после с ним будет? Что я наделал? Что Елена сотворила...» 4-1-321

Василию Дорофеевичу тот ветерок в парус поймать хотелось. Каждая сосуля нарастающая мачтой перевёрнутой виделась. Сугробы подтаивающие – волнами, что по деревне среди домов-кораблей перекатываются. 4-1-226

А небо, расцвеченное всё, на воде отражалось тусклым светом и будто понимало, подыгрывало ему. С ним рассуждало. «Так вот что! Сияние – это мысли! – он вскочил, не заметив, как компас скатился на землю. – Ведь так! Как у меня – сначала далеко где-то вопросом, искоркой моргнёт. После разгорится, и не остановишь, пока ответом не затушишь. Кому же столь огромному мысли сияющие принадлежат? Иль вовсе наоборот? Мысли ведь куда выше человека! 4-1-22

Лука собирал домовину для Матрёны. Ему мерить не надо было. Он мерку с семнадцати годков знал. Стружка закручивалась колечками. Словно вихры его в год, когда познакомились они. Колечки кольцами годовыми падали к ногам. Он старался не наступать на них. Отодвигал в снег. Там они и лежали. Больше ровных. Тоненьких, золотистых. Были и с сучками да надломленные. Разное, ведь, за жизнь-то случалось. Не всегда круглое да мягкое, как катанки. Бывало, что и углами. 3-87

Ты, селёдка беломорская, мне путь к титулу имперскому преграждаешь! ... Поди ты... И быть бы беде, да на царёв крик прибежал от склада Нартов. Немец Зингер ногою приболел и за старшего в токарне всю неделю был Андрей Константинович. Он – по Петровой спине да по сморщившемуся, бледному лицу двадцатилетнего ученика своего – понял сразу, чью сторону занимать. Примкнул к плечу Баженина: – Нельзя, Пётр Алексеевич! Вчера ещё на большом копировальном все крепления ослабили. Разбирать будем. Сдвоенное зубчатое колесо шкива на оси болтается. Неровён час аль минута, и полетит всё. Сам говорил: биение есть. Государь, потрудись на маленьком. Или вон на прессе табакерочки потисни. А то и вовсе сегодня-то, может, не надо? День-то какой! Посиди в уголке. Почитай Плюмиера или Штурма трактат. – «В углу посиди!» И вам меня куда бы загнать! Императору указывать?! – спокойней уже, не на носа квашение, но всё же на крепкий тычок ещё, выдохнул Пётр. Но тут Баженин, решив видно доказать, что не безумен он, а очень даже сообразителен, за «селёдку» и за всё Беломорье отвечая, из-за плеча Нартова, заранее пригнувшись, пробурчал ...

А, ныряешь, селёдка скользкая! Ныряй глубже! Вечером тебя изловить велью и такой соли с перцем задам! Познаешь имперскую засолку!

Усмехнулся: – И чтоб оба – ты да селёдка – сегодня в соборе Троицком были. Повернулся к двойной двери, за щёлкой которой блестел на него серый, выпученный рыбий глаз Никифора, кулаком погрозил: – Зри там, кому указывать посмел! 2-382

Пётр I ворвался в историю, разогнался и уже более не останавливался. Он летел навстречу судьбе, летел и вырос. Вырвался из детства, вскочив на коня испуганным юношей, сошёл с корабля Великим Государем, Императором Российским. Он кроил Россию заново... 2-239

Каждый лист осенний, тем звоном с ветки сорванный, не с шорохом на землю ложился – колокольчиком вздрагивал, на свой погост опускаясь. Пожелтевший, красновато-бордовый иль бурый, он в миг касания с родительской сырой землёй становился части ценой огромной бумажной книги, в которой белые листы теперь так и останутся чистыми... И нет лица на земле от бумажной седины. Птица небесная пером отточенным готова одарить человека, мыслию Божьей

озарённого. Но не стало того, кто Слово, помысел Божий, разум свой, руку, пером владеющую, чернилами бегущими соединить с листом в силах. Бел лист 2-242

ПОСЛЕСЛОВИЕ («Государевы шахматы»)

Холодок от раскрытых дверей дошёл до неё. Будто чистой, новой жизнью обволакивал. Баня, она очищает человека. Смывает недельные его горести. А тут, за годы, какой коростой душа покрылась... Сколько воды проточной надо... И Еленка теперь будто новая. Вот выйдет сейчас из бани чистой. А то, что другая тяжесть теперь на ней... Так ей её нести дело привычное. «Васенька вот бы только...»3-169

какие неведомые врата?» Знала Еленка, что когда нужно, то мысль стороннюю, важную, решенье необходимое, невесть где по миру блуждающее, подманить можно. Вроде как приманку для рябчика соорудить. Засыпая, надо представить, как охотник в лесу близ россыпи мелкогалечной жердь еловую вырубает, потом меж деревьев крепит, посередине две ветки в кольцо сводит и в нём из конского кручёного волоса силок сооружает. И всё это точь-в-точь, про себя проговаривая, в голове своей проделать. А по сторонам того кольца мысли свои заронить. Те, что ты слабым своим умишком породить способен. Подвесить их приманкой, как охотник яркие кисти рябины. Рябчик – дума то есть вселенская – к твоим скудным мыслишкам интерес проявит, и давай промеж них перебегать. Считывать. Пробовать на язычок. Склёвывать. Вертеть ими во все стороны. За тебя обдумывать. Тут мысли решеньем нужным и обернутся, форму примут и тогда уж непременно в петлю попадут. Замрут таким замыслом. А то ещё и в план оформятся. Утром, как только глаза раскроешь, успеешь его запомнить. Понять. Упустишь миг, и после уж не ухватить. Обыденное на тебя навалится. А ночное, призрачное, словно рябчик, хвостиком коротким махнёт, хохолком тряхнёт и выпорхнёт из петли. Пёрышки рябые, воспоминанья смутные тебе только и оставит. Оттого в те дни, когда ох как подсказка нужна была, Еленка, засыпая, подле себя держала лист да перо. И успевала в утренний час, спросонья, решенье мелькнувшее бумаге передать. А тогда уж и предавай, память! Улетай, пёстрый, отрывочный сон, быстрым рябчиком. 3-127

Петра, ребёнком от потешных оторвав, посадили за шахматную доску. Он и теории-то не был научен. Да и вообще в другие игры играл. А ему сразу – с Софьей, с гроссмейстером, да чёрными. А от неё – ни тебе гандикапа¹, ни форы. Она и фигуры сама расставляла. И, поди, пойми, кто там среди твоих чёрных в белом? Каков истинный цвет твоего офицерства? Да мать, наставник, на первом же ходу «подсобила». Вот он в дебюте-то² и лопухнулся. А Лопухина разве королева? И сам зевнул³, конечно, вначале. Сестрица ему на четвёртом ходу мат готовила. Да только он за три-то первых познал: нет за шахматной доской родни, одни супротивники. А оттого с гамбита⁴ – с бегства начал. Время выиграл, позицию. И с бескровного разгрома Софьи, от детской картонной доски пересел за государственные шахматы. 1 Гандикап (с английского handicap – неравные возможности) – соревнование между шахматистами с разным уровнем владения шахматами. С целью уравнивания сил сильные игроки дают фору (какое-либо преимущество) слабым: дополнительные ходы, пешки, другие фигуры. 2 Дебют (с французского début – начало) – начало шахматной партии, имеющее целью скорейшую мобилизацию, развёртывание сил играющих. 3 Зевок в шахматах – грубая ошибка, ведущая к резкому ухудшению позиции, когда игрок не замечает угрозы мата или потери фигуры. 4 Гамбит (с итальянского gambetto – подножка) – разновидность дебюта, в котором одна из сторон в интересах быстреего развития, захвата центра или для обострения игры жертвует материал (обычно пешку, иногда лёгкую фигуру). 478 Первую партию на международном турнире он проиграл. Да кому! Мальчишка ему детский мат поставил! Но Пётр быстро учился. Теории не хватало – практикой да клетками свободными брал. Было тех клеток у него больше, чем у соперников: огромно государство. Про зрителей быстро

понял: на первых ходах все супротив него. Открыто ухмылялись за спиной противника. К середине партии бочком к нему за спину перешли, но и там рожицы строили и рожки приставляли. А к эндшпилю аплодисменты ему от них после каждого хода. Что им верить? Допусти ошибку, и все эти иноземные соседи быстро окрас поменяют. Они, конечно, кубки гравировать для победителей, да только всегда приговаривают, что «призто переходящий». И ещё он с первых партий приметил: пешек на доске больше, чем иных фигур. Значит, особо жалеть их незачем. К следующей расстановке уж новые народятся. Особо приобщился Пётр к ростовым шахматам. Тут прямо как в жизни. И с пешками проще. Нет отличий кубичных, деревянных, от живых. Ни тех, ни других в бою ради победы России не жалко. Заметив ещё одну пешечную возможность, пользовался ей постоянно: пешка в любую фигуру обернуться может. Ей только помочь надо, дорогу перед ней расчистить. Она и дошагает до другого края. Вот потому он и дворником не чурался работать. Сколь многие при нём из солдат в офицеры выходили. А иные, вот как Меншиков, так и вторыми королями себя считали. Оттого, на пешки глядя, Пётр порой задумывался: «А, может, пешки – тоже люди?» В минуты эти вставал он к токарному станку и любовно вытачивал фигуры, дерево подбирая, исходя из будущего их предназначения. Пешки – из податливой осины да мягкой ольхи, которые для массовой обработки подходят. Слонов сперва из заграничного красного, дорогого дерева делал, затем из дуба отечественного, а то и вовсе из мамонтовой кости точил. Ладьи, стружечным смоляным запахом наслаждаясь, – из лиственницы сибирской. Коней – из берёзы карельской. Любил он их в кузне сам под- 479 ковытать. И потому порой на доске, кроме коня, роднее никого для него и не было. Король – та фигура, что порой только на коня положиться и может. Были ли у него любимые фигуры? Пожалуй, да. И любовь та измерялась их делами, стараниями, пользой для России. Порой между серьёзными партиями стопочки гранёные вместо пешек в ряд выравнивал. За королеву – графинчик. За офицера – вазочку с фруктами. И эти игры любил. Порой безмерно увлекался. Вместо фигур противника – пирожные да пирожки. Ел их ненасытно. Иногда и по своим слонам ходил. И давил немало – так то любя! То навроде разминки перед турниром. Знал он, что с персидского «шахматы» – «смерть короля». Оттого и себя не щадил. Муштровал нещадно. Часто против самого себя играл, собою жертвуя. Себя вперёд своей армии под пули подставляя. Доску на столик перед зеркалом поставит – и играет со своим отражением. И то для историков шахмат – лучшие из его партий. В них всё напряжение. Весь ум. Ведь хуже нет, когда царёк из твоей головы супротив тебя на табуреточке устраивается. Сильнее нет противника. Он все ходы твои наперёд знает. Петру, по молодости, тот царёк не раз мат эполетный⁵ объявлял. И как тут выиграть? Только ничья. И не сводил он к ней, а зубами её вырывал. И радовался после, как ребёнок. С кем только не играл за свою жизнь. С одними – партии дружеские. А против кого и государство ставил... И в мокрой рубашке, в цейтноте, не раз дрожь его била. Шахами его обкладывали. Да и он иных – матами. Сколь тяжело ни было, одну-единственную команду ни разу не отдал. Рокировка⁶ не терпел. Не уходил из-под удара и других не подставлял. Принимал на себя. 5 Мат эполетный – мат, при котором ладьи, стоя по обе стороны своего находящегося на краю доски короля, сокращают количество полей для его отступления (образуют его «эполеты»). 6 Рокировка (с французского roque) – ход в шахматной партии, имеющий целью увести короля из центра. 480 И худшее в жизни королевской испытал Пётр. Когда на дальних клетках противника сына заметил. Сдёрнул с него плащ. Казнил изменщика. Родной фигурой пожертвовал. И сам себе мат поставил. Да то лучше для него было, что себе – не государству. Лишь бы Россия на доске осталась... Хоть и понял с первых ходов, что нет у Государя родни, а только наследники, но привыкнуть к тому до эндшпиля⁷ не смог. Оттого мир белый ему иногда одной чёрной клеткой казался. Уж как он королеву свою любил! Кто ближе-то ферзя? На кого надежда? Ради неё все правила нарушил. Фигуры на пол и – доской по противнику. Получай, монсово племя! И что без правил поступил, что европейские игроки осудят, его не волновало: лишь бы зашибить, лишь бы ворогов к России не допустить. Да проглядел – не всех изничтожил... Эстеты-современники не находили красоты в его партиях. Ему же победа была нужна. А изящной её история потом сделает. А уж коль о красоте речь... С дамами он любил играть, на досуге

разминаясь. Навыки оттачивая, в угол фигуры их загонять – и пат им, пат8 . И так до утра. До бесконечности. Пётр сам себя гроссмейстером сделал. На двух, трёх досках одновременно играл. На одной со шведами эндшпиль разыгрывал, на второй с персами дебют, на третьей доске с турками партию вничью сводил, зубами скрежетав. А сколько новых гроссмейстеров после себя оставил! Играй, Россия, со всем миром одновременно на ста досках! 7 Эндшпиль (с немецкого endspiel – конец игры) – окончание шахматной партии. 8 Пат (с итальянского patta – игра вничью) – положение в шахматной партии, в котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, т. к. все фигуры лишены возможности двигаться. Он страстно любил жизнь, игру эту! Внезапно закончилось его время. Упал флажок, встали часы. Он такой расклад, такой задел на доске оставил, что хоть младенца за неё сажай... Такое преимущество – на поколения вперёд никто не проиграет. Даже садиться играть с Россией не захотят. Он ни одного решаемого этюда9 возможным противникам России не оставил. Пётр Алексеевич и умер за доской. Подняв проходную пешку над дальней горизонталью10, он так и не решил, какое имя ей дать. На какую фигуру поменять... Д. Фёлово, 2019–2020 гг.

2-476-478